

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ

ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА

АПЕЛЬСИНОВЫЙ СОК

УЮТНАЯ ДУША

КНИЖНАЯ ДЕВОЧКА

ЛЮБОВЬ В РЕЖИМЕ ОЖИДАНИЯ

БЛИЗОРУКАЯ ЛЮБОВЬ

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ СЕВЕРИНЫ

МОЙ БЕДНЫЙ БОГАТЫЙ МУЖЧИНА

**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

—~~~~~ *роман* ~~~~~—

**МОЙ БЕДНЫЙ
БОГАТЫЙ
МУЖЧИНА**



МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии *С. Власова*

В оформлении обложки использовано фото
Елены Адарченко

Воронова, Мария Владимировна.
В75 **Мой бедный богатый мужчина : роман /**
Мария Воронова. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 352 с. — (Большая любовь.
Романы М. Вороновой).

ISBN 978-5-699-88810-8

Брак по расчету — в чем его плюсы и минусы для героев романа Марии Вороновой?

Медицинская сестра избавляется от бедности, а владелица модной клиники пластической хирургии — от одиночества. Но Диана не чувствует себя хозяйкой большого дома, а Розенберг не видит в ней близкого друга и продолжает тосковать по умершей первой жене. Значит, счастливый брак без любви невозможен в принципе?

Ни Диана, ни ее муж не знают ответа на этот вопрос. А жизнь уже приготовила для них тяжелые испытания, которые можно выдержать только вместе. Вот тогда и выяснится, оправдался ли расчет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воронова М.В., 2016
© Адарченко Е., фото на обложке, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016
ISBN 978-5-699-88810-8

ГЛАВА 1

Мила поставила чашку на стол, так и не отпив чаю.

— Стас, я очень беспокоюсь. От него уже два дня никаких известий.

Ее жених потянулся, зевнул и положил себе еще кусок черничного пирога. Поднялся налить чаю, попутно смахнув со стола пачку салфеток: его крупное тело с трудом помещалось в крошечной кухне.

— Да загулял твой папаша, — усмехнулся он. — Завис у бабы, только и всего. Или, ты считаешь, он должен отпрашиваться у падчерицы?

— Он вовсе не должен у меня отпрашиваться, — мягко сказала Мила. — Но зачем отключать мобильный? И что же это за баба такая, что от нее не оторваться даже ради работы? Я сегодня звонила в клинику, он не вышел после выходных, хотя обычно торчит там и по субботам, и по воскресеньям.

— Это меняет дело... — Стас Чесноков почесал в затылке. — И все же, я думаю, волноваться не стоит. Поехал с друзьями на природу, зарядник забыл, и там у них какой-нибудь форс-

мажор случился. Колесо спустило, например. Завтра вернется твой папаша Розенберг целый и невредимый.

Мила ожесточенно помешала ложкой остывший чай.

— Надеюсь, что ты прав. Знаешь, он обалдел немножко от свободы. Я выросла, замуж вот выхожу, — она нежно улыбнулась Стасу, — младших девочек он отправил учиться в Англию...

— Что?! — С Чеснокова моментально слетела его обычная невозмутимость. — Куда он их отправил?

— В Англию.

— На какие шиши?

— О господи... — Мила смущенно опустила глаза, а потом, тяжело вздохнув, решила: — Все равно пришлось бы рано или поздно тебе сказать: папа очень небедный человек. Он — владелец клиники эстетической медицины «Клеопатра».

— Не может быть! — Стас в изумлении уставился на нее.

— Может.

— Но почему ты тогда живешь в такой квартире? — Чесноков повел рукой, и ручища немедленно уперлась в стенной шкафчик, где что-то задрезбужало. — Твой папаша воспитывает тебя по западным принципам? Или просто не считает нужным обеспечивать приемную дочь?

— Ни то ни другое. Розенберг полностью обеспечивает меня. У меня есть счет в банке и большая квартира на Крестовском острове, в которую мы с тобой можем хоть сейчас переехать. Просто, понимаешь... — Она замялась.

— Не понимаю!

— Ну, мы до поры до времени не хотели тебе говорить... И эту квартирку Розенберг специально снял.

Ярко-розовые щеки Чеснокова, из-за которых коллеги прозвали его Помидором, побледнели.

— Специально, говоришь? — Он присвистнул и внимательно посмотрел на Милу. — Я правильно понял, что вы боялись, как бы я не женился на тебе ради денег?

— Нет, но...

— А если нет, к чему эта конспирация?

— Стас, так получилось...

— Ах вот как! — Он ударил ладонью по столу и поднялся со стула. — Значит, так получилось! Мы каждый день встречались, уже месяц вместе живем, и за все это время ты поняла про меня только одно: что я позарюсь на твои деньги, узнав, что ты богата! Я прав? — грозно спросил он.

Мила тоже вскочила.

— Стас, прости... — начала она и попыталась обнять его, но он отвел ее руки.

— Я-то прощу, только что это изменит? Как я буду жить с тобой дальше, зная, что ты считала меня альфонсом?

— Стас, наоборот, мы боялись, что наши деньги тебя отпугнут!

— И вы не ошиблись, — устало сказал он. — Что же мне теперь, входить в семью таким бедным родственником? Твой папаша Розенберг после свадьбы возьмется содержать и меня, а заодно будет указывать, как мне жить. И ты тоже при каждом удобном случае станешь тыкать мне в нос, что я живу на чужие деньги. На фиг надо!

— Но, Стас, не имеет значения, откуда в семье деньги!

Чесноков посмотрел на нее тяжелым взглядом:

— Если бы это действительно не имело значения, вы не стали бы скрывать от меня свое богатство.

Немного постояв на кухонном пятачке, он отстранил Милу и решительно направился к двери.

Медсестра Диана, натуральная блондинка двадцати пяти лет от роду, заглянула в ординаторскую:

— Лада Николаевна, из операционной везут больного, идите принимать.

Реаниматолог, высокая сдобная девушка средних лет, кивнула, поправила сложную ста-

ромодную прическу и плавной походкой отправилась на пост.

Если бы Ладу Николаевну увидели Рубенс с Кустодиевым, то немедленно потянулись бы к холсту и краскам, ибо данная женщина относилась к типу немодных нынче полных румяных красавиц. Слушая ее неторопливую, обстоятельную речь, глядя на округлые, неспешные движения, невозможно было представить, что она способна интубировать трахею и проводить реанимационные мероприятия при клинической смерти. Однако даже в критических ситуациях Лада Николаевна чувствовала себя как рыба в воде. Без крика, без суеты, когда другие доктора только соображали, что же надо делать, она уже переводила больного на искусственную вентиляцию легких и диктовала назначения.

Коллеги любили работать с такой умницей и красавицей. Правда, личная жизнь умницы и красавицы пока не складывалась...

— Интересно, какой подарок нам приготовил Ян Александрович? — Лада Николаевна улыбнулась Диане.

— Ну, даже если больной тяжелый, за хирургическую часть мы можем не беспокоиться.

— Это верно, — кивнула Лада, устраиваясь за письменным столом.

Ян Александрович, он же профессор Колдунов, справедливо считался одним из лучших хирургов города.

Раздался грохот древней каталки, толкаемой по кафельному полу коридора. Стукнула двустворчатая дверь, с силой распахнутая недовольным анестезиологом, и реанимационный пост заполнился людьми.

Лада вытащила из-под подушки пациента историю болезни и принялась листать ее, а Диана занялась перекладыванием больного с каталки на кровать. Помогавшие ей сестры приемного отделения и дежурный анестезиолог не скрывали безразличия: по окончании процедуры они сразу кинулись мыть руки и после этого быстро убежали.

Только Колдунов, красивый синеглазый брюнет, продолжал устало сидеть, облокотившись на письменный стол Лады.

— Что, опять бомжика нам подогнали? — участливо спросила она. — Чем хворает человек?

— Как обычно. В канаве подобрали, привезли к нам в приемное. Диспетчеры собирались его в тигрятник засунуть, пока не протрезвеет, но обратили внимание, что у него одна щека существенно больше другой. Меня позвали, говорят: посмотрите, Ян Александрович, флегмона там или, может, свинка? Ну, а какая ж свинка с одной стороны? Полусвинка, что ли? Прихожу смотреть, мужик, бедняга, лыка не вяжет, а лицо разнесло... Будто у него вторая голова выросла. Только мозгов в ней, к сожалению, столько же, сколько в первой. — Колдунов

вздыхнул, скорбя о глупости бомжа. — Думаю, человек набрался по самые брови, повздорил с коллегами и получил по физиономии. Ну а дальше понятно — иммунитет, подорванный пьянством и несправедливым образом жизни, переохлаждение, вот гематома и нагноилась. Я обработал, теперь его можно было бы в отделение везти, но я решил лучше к вам. Не будете ругаться?

Лада Николаевна кокетливо повела плечиком. Впрочем, кокетливость эта была напускной, игрушечной — Колдунов, как многодетный отец, не состоял в реестре потенциальных любовников и интересных мужчин больницы. Счастливый в браке, одаренный многочисленным потомством, Ян Александрович никогда не заглядывался на женщин, будучи для сотрудниц добрым приятелем, но отнюдь не воздыхателем или ухажером.

— В отделении его быстро закопают, — продолжал он. — Раз документов нет плюс еще пьяный, антибиотики нормальные колоть не будут, да и где их взять-то, нормальные? А у него, кажется, пневмония начинается, надо полечить хотя бы денька три.

— Сделаем, Ян Александрович. Изыщем внутренние резервы. Витаминчики, глюкозка, то-се... Мужик-то, кажется, молодой, жалко, если помрет.

Колдунов с хрустом потянулся.

— Как приятно, Ладушка Николаевна, иметь с вами дело. А то большинство наших докторов исповедует принцип: убил бомжа — очистил город.

— Один вы, Ян Александрович, с ними целуетесь.

— А что делать? Терпимость к своим недостаткам — порок, а терпимость к чужим порокам — добродетель. Я просто пытаюсь уравновесить плюсы и минусы собственной личности.

Лада задумчиво кивнула, вытащила из кармана ручку и, не отрываясь от беседы с Колдуновым, принялась строчить в истории болезни стандартный приемный эпикриз: «Больной доставлен из операционной в состоянии медикаментозного сна...»

— Телефонограмму дали? Что говорить, если вдруг из милиции позвонят? Как обычно — избит неизвестными лицами?

— Угу. Лицами, пожелавшими остаться неизвестными... — Колдунов опять потянулся и несколько раз подряд энергично зевнул, прогоня сон. — Но сдается мне, били они его все-таки не лицами, а другими частями тела, предположительно ногами.

Вполуха слушая колдуновские разглагольствования, Диана обихаживала больного: написала на прикрепленной в ногах кровати табличке: «Неизвестный», установила капельницу в штатив, проверила надежность повяз-

ки и привязала руки и ноги специальными ремнями.

Фиксация больного в реанимационном отделении не жестокость, а вынужденная мера — в бессознательном состоянии пациент может нанести себе вред, если оставить его руки свободными.

«Как-то не похож он на бомжа, — лениво думала Диана, разглядывая свежую, без расчесов и гнойников кожу, под которой прослеживались крепкие мускулы. — И на алкаша тоже не похож, лицо не одутловатое. Наверное, опустился совсем недавно... Это добиваться положения в обществе приходится годами, а упасть на дно можно в один миг. Жаль, тело красивое. Сколько ему лет, интересно?.. Никак не больше сорока, жить бы да жить. Впрочем, мы ничего о нем не знаем, кроме того, что он валялся на улице пьяный и избитый. Кто сказал, что напиваются только бомжи? А тело, ей-богу, ухоженное».

Она пригляделась к рукам: грязные, но грязь на них свежая, а не копившаяся годами. Ногти ухоженные, аккуратно подстриженные, а не обломанные. У бомжей не бывает таких рук. И ног таких, с аккуратными пятками, у них тоже не бывает.

Ох, напрасно доктора записали его в бомжи, на самом деле это приличный человек, оказавшийся в канаве из-за рокового стечения обстоятельств!

Сделав вид, что поправляет мнимому бомжу повязку, Диана осмотрела зубы и волосы. Стрижка очень короткая, почти под ноль, можно предположить, что мужика обрили в каком-нибудь санпропускнике. Однако Диана почувствовала, что над его головой поработал дорогой парикмахер. Ну а зубы... Бомж, даже просто малообеспеченный человек, не может содержать зубы в таком состоянии. «Нужно доложить докторам о своих выводах», — подумала Диана.

Но вдруг словно кто-то шепнул ей на ушко: «Это твой шанс. Не упusti его».

ГЛАВА 2

Диана Кутепова всегда спускалась в школьный гардероб по левой лестнице. Пусть для этого приходилось делать круг по всей школе, пусть пахло столовскими щами и на площадке вечно толкалась малышня, зато путь пролегал мимо стенда «Наши чемпионы».

Хватало мимолетного взгляда на фотографию Володи Стасова, чтобы сердце Дианы сладко и томительно сжималось, а в живот ей словно ударяла мощная морская волна.

Господи, как она его любила!

Наверное, с сотворения мира никто так не мучился и не страдал от любви, как девятиклассница Диана, навеки отдавшая свое сердце лучшему футболисту школы.

Ученик выпускного класса вряд ли подозревал, что на него обрушился столь мощный поток чувств, скорее всего он даже не знал о Дианином существовании. Но видеть его, наблюдать, как он тренируется в зале или играет в футбол на поле за школой, было для Дианы величайшим счастьем на свете. А уж если удавалось поймать его взгляд... Таких случаев было всего три, но каждый из них отпечатался в Дианиной памяти в мельчайших подробностях.

К несчастью, расписания уроков у девятого и одиннадцатого классов не совпадали, и видеть своего кумира Диане удавалось не каждый день. Что же ей оставалось? Долгие одинокие посиделки на скамейке в Володином дворе в надежде увидеть, как любимый идет домой, да школьные дискотеки раз в месяц, когда Диана безнадежно простаивала весь вечер в углу, ревниво отмечая, с кем Володя танцует медленные танцы.

Но самое страшное ждало впереди — еще одна четверть, и Стасов окончит школу, тогда ей вовсе не удастся видеть его...

Как же она будет жить?

Она вышла на трамвайную остановку. Начиналась мокрая питерская весна, грязный снег оседал на глазах, становясь похожим на куски пемзы, из-под него проступал серый асфальт, и небо тоже было мокрым и тяжелым, как асфальт. Но в лужах стучала капель, настой-